

Религиоведение. 2024. № 4. С. 99–106.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 4. P. 99–106.

DOI: 10.22250/2072-8662-2024-4-99-106

Юша Ж.М.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3
zhanna-yusha@yandex.ru

Жизненная сила, болезнь и смерть человека в представлениях тувинцев

Аннотация. В статье рассматриваются представления тувинцев о жизненной силе, болезни и смерти человека, в которых видно отражение шаманской мифологии. Описаны воззрения о жизненной силе человека, ключевом понятии, охватывающем представления о болезни и смерти. В тувинской культуре понятие жизненной силы выражено лексемами *тын*, *кут*, *сунезин*. Однако в последние десятилетия среди тувинцев для обозначения жизненной силы человека наиболее употребительным является слово *сунезин*, хотя в текстах, записанных в 1970-е годы, слова *кут*, *тын* встречались. Выявлены признаки потери жизненной силы, позволяющие определить человека, оставшегося без *сунезина*. К ним относилось плохое физическое самочувствие взрослого – сонливость, потеря аппетита, худоба, усталость и др. У ребенка отмечали плаксивость, вялость, плохой сон и потерю аппетита. Людям, имевшим такие симптомы, в народной среде советовали обращаться к ритуальным специалистам – шаману и ламе, которые могли провести обряд призывания или ловли ушедшей жизненной силы ребенка и взрослого. В нарративах, записанных от шаманов, жизненная сила представляет собой некую «видимую» субстанцию, которая доступна только зрению магического специалиста. Проанализированы традиционные представления тувинцев о болезни и смерти человека, которые напрямую зависят от наличия жизненной силы в человеческом теле. Выявлено, что для сохранения жизненной силы должны быть соблюдены определённые поверья и запреты, регламентирующие поведение человека в обычной жизни. Несоблюдение этих запретов могло привести к возникновению болезни или наступлению смерти человека.

Ключевые слова: мифологические воззрения тувинцев, жизненная сила человека, признаки потери жизненной силы, своё-чужое, ритуальные специалисты, болезнь и смерть человека

Zhanna M. Yusha

Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera) RAS
3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia
zhanna-yusha@yandex.ru

Vital Energy, Illness and Death in the Views of Tuvans

Abstract. The article presents the Tuvan views on vital energy, illness and death, in a visual representation of shamanic mythology. It describes the views on human vitality as a key concept covering the idea of human illness and death. In Tuvan culture, the concept of vitality is expressed through the words *tyn*, *kut*, and *sunesin*. Although the word *sunesin* is the most common in the last stages of evacuation of life, there were also words like *kut* and *tyn* used in texts from the 1970s. Signs of loss of vitality have been identified which can help recognize a person who has lost *sunesin*: poor physical well-being such as drowsiness, lack of appetite, weight loss, fatigue, and so on. The child was noted to be tearful, lethargic, sleepless and had a decreased appetite. People who had such signs were advised, among others, to turn to ritual specialists – shamans and lamas, who could perform rituals to invoke or capture the strength and growth of children who had passed away. The stories told by shamans, describe life force as a kind of “visible” substance that can only to be seen by the vision of magical specialists. The traditional Tuvan ideas about human illness and death are directly related to the vital forces in the human body. It has been revealed that in order to maintain vitality, it is necessary to observe the regimes of belief and prohibition that regulate human behavior. Failure to follow these prohibitions may lead to illness or even death.

Key words: mythological views of Tuvans, human vitality, signs of loss of vitality, self-foe, ritual specialists, human illness and death

Введение

Представления тувинцев о болезни и смерти человека рассматривались в рамках определённых задач в монографических работах С.И. Вайнштейна [Вайнштейн, 1961], Л.П. Потапова [Потапова, 1969], В.П. Дьяконовой [Дьяконова, 1975], Н.А. Алексеева [Алексеева, 1992]. Однако спектр мифологических воззрений тувинцев о болезни и смерти человека всё еще не подвергнут комплексному анализу. Цель настоящей статьи – описать воззрения о жизненной силе (*тын, сунезин, кут*), выявить признаки и причины утери жизненной силы, проанализировать традиционные представления тувинцев о болезни и смерти человека, определить причины возникновения болезни и наступления смерти. Источниками исследования послужили опубликованные этнографические и фольклорные данные, а также полевые материалы, собранные в Туве в 2020 г. В работе использованы описательный, структурно-семантический, системный методы исследования.

Жизненная сила человека – *тын, кут, сунезин*

В научной литературе жизненная сила человека в понимании, свойственном тюрко-монгольской традиции, обозначается словом «душа», что несёт в себе отчётливые христианские коннотации, которые ставят под сомнение правомерность использования этого слова для описания традиционных верований [Алексеев, 1992, 59; Дьяконова, 1975, 45; Рыкин, 2007, 52]. Однако наряду с применением слова «душа» многие исследователи использовали лексические обозначения жизненной силы, которые были распространены в народной среде – *кут, куът, хут* (алт., тув., хак.), *sünesü, сунс* (монг.), *сунезин* (тув.) [Алексеев 1992; Дьяконова, 1975; Потапов, 1969, 1991; Рыкин, 2007]. Переводы этих слов в значении «дух, душа» встречаются в двуязычных академических словарях, что ещё раз указывает на сложность и нерешённость этого вопроса.

В представлениях о болезни и смерти человека у тувинцев, как и у других тюрко-монгольских народов, ключевым явилось понятие о жизненной силе, которой каждый человек обладает от рождения. Считалось, что жизненная сила человека была важной и неотделимой его частью; без жизненной силы человеку невозможно жить, её утрата и долгое отсутствие приводили к болезни и смерти. В.П. Дьяконова отмечала, что «при жизни человека тувинцы-шаманисты признавали в нём наличие какой-то жизненной силы или энергии, которая делала человека живым существом» [Дьяконова, 1975, 45].

В тувинской культуре понятие жизненной силы обозначается словами *тын, кут, сунезин, кут-сунезин*. Рассмотрим их значение: слово *tün* означает «дыхание, дух» [Древнетюркский словарь, 1961, 567]; многозначное слово *qut* употребляется в значениях «душа, жизненная сила, дух; счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел [Древнетюркский словарь, 1961, 471]; кут – душа, животворящая сила; жизненная сила (человека, животного, растения); дух, душа и др. [Татаринцев, 2004, 321]. Слово *сунезин* означает «душа, дух», от монг. *sünesü / сунс(эн)* [Татаринцев, 2019, 153]. Собирательное слово «*кут-сунезин*» употребляется в значении «душа» [Татаринцев, 2004, 324].

Согласно воззрениям тувинцев, *тын* имели все живые существа – люди, домашний скот, звери, птицы, рыбы, растения, насекомые. *Кут, сунезин* содержали люди, животные, звери, птицы, растения. Однако в данных терминах имеется и небольшое различие, которое проявляется в похоронно-поминальной обрядности. В отличие от *тын*, который может содержаться только в живом существе, *сунезин* может быть и формой персонификации умершего по модели живого человека [Дьяконова, 1975, 46], не случайно тувинский шаман на седьмой или сорок девятый день устраивает «разговор» с сунезином покойника.

Жизненная сила человека могла покинуть тело своего владельца во время его сна, могла выскочить из тела от сильного испуга, могла самостоятельно блуждать по миру, находиться в тайге или горах, скрываться в личных вещах или предметах своего хозяина, но человек никогда «не видит свой сунезин» [Кенин-Лопсан, 2010, 186]. Тувинцы полагали, что *сунезин* человека может найти прибежище и на деревьях, поскольку в традиционной культуре деревья могли выступать в качестве двойников человека. Согласно принципу внешнего подобия «старое соответствует

старому», «молодое соответствует молодому», жизненная сила взрослого человека мог находиться в старом дереве, молодых людей – в молодом дереве. *«В большом старом дереве находится сунезин старого человека, так говорят. В молодом дереве – сунезин ребёнка бывает, так говорят»* [Кенин-Лопсан, 2002, 416. Пер. отред. Ж.Ю.].

Считали, что в ночное время сунезин мужчины находится в его головном уборе, сунезин женщины – в её платке. Кут младенца находится в его колыбели, но кут ребёнка ночует в крючке колыбели [Кенин-Лопсан, 2002, 190–191]. В случаях, когда сунезин не смог вернуться или найти обратную дорогу в тело человека, возрастала вероятность того, что он может быть пойман злыми духами, что могло привести к внезапной болезни и смерти человека. Верили, что местонахождение сунезина мог определить только шаман высокого ранга, который «находил» его в любом месте, чтобы вернуть в тело владельца. *«Только шаман знает, где сунезин находится, так говорят. Сунезин человека где находится, только небесный шаман заранее предвидит»* [Кенин-Лопсан, 2002, 96. Пер. отред. Ж.Ю.]; *«Веда камлание, шаман узнает ту дорогу, по которой ушел сунезин человека. Тогда шаман возвращает сунезин человека»* [Кенин-Лопсан, 2010, 187. Пер. отред. Ж.Ю.]. Схожие поверья о шаманах, которые могли возвратить жизненную силу, были и у алтайцев: *«Шаманы могли разыскать и возвратить кут, вышедший из тела человека»* [Потапов, 1991, 41].

В последние десятилетия для обозначения жизненной силы человека в тувинской среде слово кут почти не употребляется, но это слово всё ещё встречается в обрядовых текстах или нарративах. Как показывает полевая практика, современные тувинцы разных поколений (молодого, среднего, пожилого возраста), говоря о жизненной силе человека, уже не оперируют понятием кут, не знают значения данного слова. В наши дни для обозначения жизненной силы человека у тувинцев наиболее употребляемым является слово сунезин (ПМА). В данной работе мы используем слова *тын, кут, сунезин*.

Признаки потери жизненной силы человека

Потерю жизненной силы тувинцы главным образом связывали с ситуацией, когда сунезин временно отделялся от тела по различным причинам. Согласно мифологическим представлениям, можно было выявить человека, оставшегося без сунезина, благодаря определённым признакам, в частности, плохому физическому состоянию. Такой человек «угасал» на глазах, не обладал положительной энергетикой, свойственной здоровому человеку, он быстро уставал, становился сонливым, ему снились нехорошие сны: *«Когда человек устаёт, всё время хочет спать и во сне видит необычные явления, тогда оказывается, что сунезин этого человека от него ушёл»* [Кенин-Лопсан, 2002, 96].

Об отступении в человеческом теле сунезина также может свидетельствовать потеря аппетита или излишняя худоба человека: *«По старому обычаю, если от любого человека уйдёт его сунезин, он выглядит уставшим, становится сонливым и худощавым»* [Кенин-Лопсан, 2002, 77. Пер. отред. Ж.Ю.].

Уход из тела сунезина мог проявляться и по-другому. Имеется устойчивое поверье о том, что, если человек, оказавшийся без сунезина, наступал на золу, то следы его ног там не проявлялись [Мифы, 2010, 31]. Кроме того, тень такого человека была не видна другим людям.

Некоторые признаки потери жизненной силы ребёнком совпадали с признаками, проявлявшимися у взрослого человека, утратившего её, некоторые – отличались. Если кут ребёнка покидал его тело, для него было характерно плохое самочувствие: постоянная вялость, беспричинный плач по любому поводу, плохой сон, потеря аппетита: *«Когда от ребёнка уходит его кут, он все время плачет, не ест материнское молоко, теряет сон»* [Кенин-Лопсан, 2002, 156]. Если в результате утраты кут для ребёнка был характерен плохой сон, то взрослый, наоборот, становился сонливым.

У носителей традиции живы представления о том, что потерянную жизненную силу человека смог поймать и возвратить только ритуальный специалист. Как показывает полевая практика последних лет, многие тувинцы, заметив подобные признаки у знакомых и родственников, советуют им обратиться за помощью и

советом к шаману или ламе. В народе до сих пор сохранилось убеждение, что только ритуальные специалисты могут вернуть похищенную или заблудшую жизненную силу человека (ПМА).

Имеются тексты, в которых сами магические специалисты рассказывают о проведении ими шаманских обрядов, главной целью которых были возврат *кут* ребёнка. В следующем нарративе шаман подробно излагает процесс камлания, каким образом он возвращает *кут* ребёнка: «Я сам не раз возвращал ребёнку его ушедший *кут*. Тяжело заболевшего ребёнка *кут* превращается в одну волосинку и скрывается под ногтем. От укрывшегося места он не выходит. Проводя камлание, ударом колотушки или дымом можжевельника отделяю *кут* младенца от его ногтя, и он мгновенно превращается в летящий волос. Во время его полёта очень быстро надо поймать летающий волос, завязать его крепким узелком, после чего больной ребёнок выздоравливает. *Кут* ребёнка, превращённый в волос, завязанный узелком и находящийся в кожаном мешочке, надо повесить над колыбелью» [Кенин-Лопсан, 2002, 156].

В другом примере также описывается ловля утерянного *сунезина* человека. Ритуальный специалист повествует о проведении обряда не от своего имени, а в третьем лице, поскольку эта запись сделана известным шамановедом М.Б. Кенин-Лопсаном в годы антирелигиозной пропаганды: «Шаман шаманит. *Сунезин* падает на белую ткань на руках шамана, оставляя след на ней. Когда он завязывает эту ткань, в руки шамана попадает *сунезин*. Потом концы этой ткани завязывают. Тот *сунезин* после этого не сможет никуда уйти, шаман уже поймал его» [Кенин-Лопсан, 2002, 187. Пер. отред. Ж.Ю.]. Как мы видим, *кут* ребёнка или *сунезин* взрослого представляют собой некую «видимую» субстанцию (в виде волосинки или материи, оставляющей след на ткани), которая доступна только шаманскому зрению, поскольку магические специалисты обладали сверхъестественными качествами, недоступными для обычного человека.

Причины болезни и смерти человека

В традиционной культуре тувинцев жизнь и здоровье, болезнь и смерть человека напрямую зависят от наличия в теле человека жизненной силы – *тын*, *кут*, *сунезин*. Болезнь воспринимается как временное отсутствие жизненной силы человека, которую можно ещё вернуть в тело посредством ритуальных специалистов, тогда как смерть понимается как окончательный уход *сунезина* от человека.

Представления об уходе *сунезина* из человеческого тела основаны на представлениях о его перемещениях вне тела владельца, его способности оказываться в различных вещах и предметах, быть пойманными злыми духами. Согласно воззрениям, чтобы сохранить жизнь и здоровье, люди должны были обращать внимание на разные аспекты жизни, соблюдать определённые запреты и поверья, регламентирующие их поведение. В противном случае они могли потерять *сунезин*, что могло привести к болезни и смерти. В этой части статьи мы подробно рассмотрим поверья, при которых человек может лишиться жизненной силы.

Тувинцы верили, что в неодушевлённых предметах может заключаться жизненная сила их владельцев. Например, в случае передачи вещей человека другим людям *сунезин*, который в это время мог находиться в одежде владельца или его вещах, мог уйти от своего хозяина. Это могло привести к болезни, порой даже к смерти дарителя: «Если человек отдал на время кому-либо свою одежду, с которой нельзя расставаться, *сунезин* хозяина той одежды от него уходит, постепенно у него возникает недомогание, и он заболевает, так говорят» [Кенин-Лопсан, 2002, 96]. «Если человек кому-нибудь отдавал свои вещи, то с ними уходит его *сунезин*, поэтому тот человек заболевает или умирает» [Там же, 74].

С осторожностью относились тувинцы к найденным бесхозным вещам, поскольку их присвоение могло вызвать у человека какую-либо болезнь, вещи могли оказаться заговоренными «на плохое»: «Если кто-то взял чужой предмет, который лежал на земле, у него что-то заболевает, так говорят» [Кенин-Лопсан, 2002, 69]. В наши дни многие информанты говорят о том, что одежда, подаренная чужим человеком с дурными помыслами, также может быть причиной ухода *сунезина* из тела хозяина, в результате чего человек может сразу заболеть или умереть (ПМА).

Чтобы предотвратить потерю жизненной силы младенца, родители должны были соблюдать следующие запреты. Нельзя было вешать крючок колыбели вниз головой, нельзя было оставлять младенца ночью плачущим, в противном случае *кут* ребёнка мог отделиться от него [Кенин-Лопсан, 2010, 92]. В представлениях тувинцев жизненная сила младенца могла находиться в различных цветах, поэтому считали, что *«нельзя рвать цветы, потому что кут ребёнка уйдёт, так говорят»* [Кенин-Лопсан, 2002, 436].

Важное значение для сохранения жизненной силы человека имело и его питание. Считали, что *сунезин* может отделиться от человека в том случае, если он употребил неподходящие для него продукты, пил алкогольные напитки, надел «неподходящую» одежду. *«Сунезин человека уходит от него и тогда, когда он пил не то вино, ел не то мясо и надел на себя не ту одежду, так говорят»* [Кенин-Лопсан, 2002, 96]. В данном случае имеется в виду то, что человек в гостях или в компании недоброжелателей мог принять алкоголь или поесть заговорённую «плохую» пищу. В наши дни встречаются представления о том, что вышедшему из тела *сунезину* будет трудно вернуться обратно в тело, если человек пьян. Такой случай может привести к тяжелой болезни или смерти человека.

Особая степень сакральности приписывалась кухонной утвари (котлам, кожаным флягам разных размеров) в которой могла содержаться жизненная сила хозяйки семейства. Например, тувинцы бережно относились к пестику как символу плодородия и женского начала. Верили, что в нём может содержаться *сунезин* замужней женщины: *«Тувинец очень бережёт пестик. Если он вдруг разломится на две части, непременно уйдёт душа от хозяйки юрты и умрёт она, так говорят»* [Кенин-Лопсан, 2002, 68].

Наблюдается особое отношение к временному коду, основанному на фазах луны. Ритуальные специалисты в обычной жизни требовали учитывать благоприятные и неблагоприятные дни месяца, во время которых предписывалось придерживаться временных запретов. В неблагоприятные дни из жилища запрещалось выносить любые вещи и предметы: *«Шаманы прошлых лет запрещали выносить из юрты личные вещи в начале новолуния и в конце месяца»* [Кенин-Лопсан, 2002, 70].

По народным верованиям считалось, что начало и конец каждого месяца по лунному календарю является «тяжёлым» или «опасным», то есть неблагоприятным временем. Потому в эти дни нельзя было выносить из своего дома вещи, отдавать чужим [Юша, 2018, 169], в противном случае можно было ожидать беду. Тувинцы Китая эти дни называют *шээрлиг хуннер* – запретными днями. Неблагоприятные дни начала месяца, по народным поверьям, имели женскую символику: *«Если в начале лунного месяца вынести что-нибудь из юрты и отдать это постороннему человеку, то непременно заболит хозяйка или дочка, так говорят»* [Кенин-Лопсан, 2002, 70].

Имелись схожие представления о неблагоприятном влиянии на мужчин и мальчиков последних дней каждого месяца. Если в эти дни отдать своё чужим людям, в семье могут заболеть лица мужского пола: *«Если в конце лунного месяца вынести что-нибудь из юрты и вручить чужому человеку, обязательно заболит хозяин или сын, так говорят»* [Кенин-Лопсан, 2002, 70].

Эти запреты, основанные на дихотомиях своё-чужое, женское-мужское, были основаны на представлениях о перемещениях жизненной силы человека вне своего тела и способности *сунезина* оказываться в различных вещах и предметах своих хозяев. Как считают тувинцы, определённые дни лунного календаря являются неблагоприятными, потому что в это время жизненная сила человека находится в каких-либо предметах хозяйственной утвари или других вещах [Юша, 2022а, 267]. Примечательно, что предметами, в которых хранилась жизненная сила женщин, считались ножницы, иголки, напёрсток. В таких предметах, как огниво, нож, седло содержалась жизненная сила мужчин: *«Сунезин человека в начале или конце лунного месяца находится в какой-либо его личной вещи. Поэтому в это время женщине нельзя кому-либо отдавать свои принадлежности – ножницы, иголку, кольцо, одежду. Мужчина не должен отдавать чужому свои принадлежности – огниво, нож, седло и одежду»* [Кенин-Лопсан, 2002, 70].

По верованиям тувинцев, Эрлик-хан – могущественный глава подземного царства, посылал своих помощников аза – злых духов за сунезином конкретного человека, после чего тот внезапно заболел. «Эрлик-хан очень сильный и владеет аза-чертями, которых он отправляет куда захочет, так говорят. Пока жив человек, он туда отправляет своих чертей, чтобы захватили сунезин того человека, принесли сразу же к нему» [Кенин-Лопсан, 2002, 82]. В этом случае к больному приглашали «магического специалиста», который смог бы вернуть сунезин из подземного мира. Если шаман, который проводил камлание, был слабым, то умирали оба: и больной, и сам ритуальный специалист.

Согласно представлениям тувинцев, злой дух *албыс*, обитающий в Среднем мире, показывался мужчинам в образе красивой девушки, женщинам – в виде симпатичного юноши. Люди, встретившиеся с *албысом*, могли заболеть болезнью *албыстаар* – человек забывал обо всём на свете, для него существовал только *албыс*, он выполнял его поручения [Юша, 2022б, 29]. Считалось, что эту болезнь могут вылечить только сильные шаманы, произошедшие либо от небесных покровителей, либо от самого злого духа *албыса*, устраивая многодневные камлания. В одном из рассказов мужчина средних лет, попав под чары женщины-*албыс*, позабыл обо всем на свете и стал жить с ней в пещере. Когда родственники нашли и привезли его домой, то пригласили сильного шамана, который сам произошёл от злого духа *албыса*: «Тогда родственники пригласили могущественного шамана Куу-Хам из рода *албыс*, и тот в течение трёх суток вёл мистерию, после чего обезумевший мужчина пришёл в себя и стал нормальным, так говорят» [Кенин-Лопсан, 2010, 232–233].

Болезнь и смерть человека нередко считались результатом магических действий, совершённых недоброжелателями. В таких случаях обычно ссылались на объяснение магических специалистов: «По рассказам самих шаманов, любая болезнь человека бывает от доора, так говорят» [Кенин-Лопсан, 2002, 69. Пер. отред. Ж.Ю.]. Как отмечает К.В. Пименова, доора – это термин, обобщающий разные виды «вреда» – от легко устранимого до самого серьезного; от возникшего в результате неправильных действий самого человека по отношению к духам природы и причинённого недоброжелателем [Пименова, 2007, 89].

Существовали представления о том, что лекари-травники могли в качестве выкупа «обещать» живого человека духу-хозяину женьшеня (особо почитаемого тувинцами растения), после чего этот человек мог скорострительно умереть. «Человек, имя которого было названо, умрёт, так говорят. Жизнь того человека спасёт только шаман небесного происхождения, так говорят» [Кенин-Лопсан, 2002, 437].

Нередко смерть человека тувинцы связывали с вырубкой деревьев, в которых якобы находится сунезин людей, живущих поблизости. «Если срубили дерево, в котором находится сунезин человека, тот человек умрёт, так говорят» [Кенин-Лопсан, 2002, 416. Пер. отред. Ж.Ю.]. В наши дни информанты давали поясняющие ответы: «Если срубили молодое дерево, то умрёт молодой человек, если старое дерево – умрёт старый человек» (ПМА), что соответствует традиционным представлениям о нахождении сунезина человека в деревьях.

В представлениях о болезни и смерти имеет значение и правильные перемещения людей в пространстве. Считается, что каждый человек, в зависимости от года рождения по 12-летнему циклу восточного календаря, имеет благоприятную сторону света: восток, запад, север, юг. Если человек направился в путь в неблагоприятную для него сторону, не совершив никаких молений, то его сунезин может украсть аза – злой дух: «Если кто-то отправился в ту сторону света, куда ему нельзя ездить, его душу захватывает аза, и он заболевает» [Кенин-Лопсан, 2002, 158. Пер. отред. Ж.Ю.]. В соответствии с этими воззрениями, если человеку предстоит путь в неблагоприятную сторону, то он символически меняет своё направление – сначала делает несколько шагов в удачную сторону, и только затем может ехать в нужном направлении.

В целях защиты жизненной силы человека обращали внимание и на соблюдение неписаных законов промысловых занятий. Если охотник в тайге убивал самок и детёнышей животных, а также зверей необычного внешнего вида, считавшихся духами-хозяевами местности, то считалось, что он может заболеть смертельной бо-

лезною: «Если кто-то вдруг убьёт животное, которое нельзя убивать, он также заболевает» [Кенин-Лопсан, 2002, 158].

В народе было распространено уважительное отношение к магическим специалистам, люди боялись их чем-то обидеть. Верили, что ритуальные специалисты могли повлиять на судьбу человека как отрицательно, так и положительно – наслать болезни и смерть, принести удачу и богатство, в зависимости от своего отношения к тем или иным людям. «...Та шаманка Хам-Кадай к тем, к кому она благосклонно относилась, к ним не подпускала ничего плохого и никакие болезни» [Кенин-Лопсан, 2002, 139–140]. Тувинцы верили, что шаманское проклятие, в отличие от проклятия обычного человека, является более действенным, всегда сбывается и достигает цели. «Если кто-то обидел какого-то шамана, его поражает проклятие обиженного шамана, так говорят» [Там же, 158].

Заключение

Таким образом, в представлениях тувинцев о жизненной силе, болезни и смерти отчетливо видна тесная связь с поверьями и запретами, архаическими воззрениями, в формировании которых большую роль играли шаманская мифология и обрядовая практика. Каждый человек обладал жизненной силой (*тын, кут, сунезин*); к признакам утраты жизненной силы взрослого и ребёнка относили в основном их плохое самочувствие, а также внешние признаки: отсутствие тени и следов ног человека. Людям, имевшим такие признаки, в народной среде советовали незамедлительно обращаться к ритуальным специалистам – шаману и ламе, которые могли провести обряд призывания или ловли ушедшей жизненной силы ребенка и взрослого.

В нарративах, записанных от шаманов, жизненная сила представляет собой некую «видимую» субстанцию, которая доступна только зрению магического специалиста. Выявлено, что болезнь и смерть рассматривались как результат утери жизненной силы человека. Болезнь воспринималась как временное отсутствие жизненной силы, которую еще можно вернуть посредством магических обрядов, проводимых ритуальными специалистами. Смерть человека рассматривалась как окончательный уход его *сунезина*, невозможность его возвращения в тело своего владельца. Для сохранения жизненной силы тувинцы считали необходимым соблюдать многочисленные поверья и запреты: нельзя передавать свои вещи другим людям, нельзя присваивать бесхозные вещи, надо следить за питанием, соблюдать временной код, правильно перемещаться в пространстве, бережно относиться к кухонной утвари. В противном случае человек мог лишиться жизненной силы, что могло привести к возникновению болезни или наступлению смерти, что отражает комплекс воззрений шаманской мифологии тувинцев.

Список сокращений

ПМА – Полевые материалы автора

Библиографический список

1. Алексеев, Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири / Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1992. – 239 с.
2. Вайнштейн, С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки / С.И. Вайнштейн. – М.: Вост.лит., 1961. – 218 с.
3. Дьяконова, В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник / В.П. Дьяконова. – Ленинград: Наука, 1975. – 162 с.
4. Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
5. Кенин-Лопсан, М.Б. Кара дээрниц тыныжы. Дыхание Черного Неба: Мифологическое наследие тувинского шаманства / М.Б. Кенин-Лопсан. – Тув. книж.изд-во Ю.Ш. Кюнзегеша. – Кызыл, 2010. – 391 с. (на тув., рус.яз).
6. Кенин-Лопсан, М.Б. Мифы тувинских шаманов. Тыва хамнарның торулгалары / М.Б. Кенин-Лопсан. – Кызыл: Новости Тувы. 2002. – 538 с. (на тув., рус.яз).

7. Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. – Новосибирск: Наука, 2010. – Т. 28. – 373 с.
8. Пименова, К.В. Представления о злых духах, порче и обряды очищения у современных тувинских шаманов / К.В. Пименова // Этнограф.обозрение. – 2007. – № 4. – С. 86–100.
9. Потапов, Л.П. Очерки народного быта тувинцев / Л.П. Потапов. – М.: Наука, 1969. – 402 с.
10. Потапов, Л.П. Алтайский шаманизм / Л.П. Потапов. – Ленинград: Наука, 1971. – 322 с.
11. Рыкин, П.О. Душа, болезнь, смерть в традиционных представлениях монголов, бурят и якутов / П.О. Рыкин // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. – СПб: Наука, 2007. – С. 51–84.
12. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука. – 2004. – Т. III. – 440 с.
13. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2019. – Т. V. – 180 с.
14. Юша, Ж.М. Жанровая специфика шаманских нарративов в фольклорной традиции тувинцев / Ж.М. Юша // Критика и семиотика. – 2022а. – № 2. – С. 258–274.
15. Юша, Ж.М. Устные рассказы о шаманском становлении в фольклорной традиции тувинцев / Ж.М. Юша // Сибирский филологический журнал. – 2022б. – №4. – С. 21–33.
16. Юша, Ж.М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика / Ж.М. Юша. – Новосибирск: Наука, 2018. – 400 с.

Текст поступил в редакцию 25.04.2024.

Принят к печати 24.05.2024.

Опубликован 24.12.2024.

References

1. Alekseev N.A. *Traditionnye religioznye verovaniya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 239 p. (in Russian).
2. *Drevnyetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Red. V.M. Nadelyayev et al. Leningrad: Nauka, 1969, 676 p. (in Russian).
3. Dyakonova V.P. *Pogrebal'nyy obryad tuvincev kak istoriko-etnograficheskij istochnik* [The Funeral rite of the Tuvans as a historical and ethnographic source]. Leningrad: Nauka, 1975, 162 p. (in Russian).
4. Kenin-Lopsan M.B. *Kara deernin tynzhy. Dykhanie Chernogo Neba: Mifologicheskoe nasledie tuvinskogo shamanstva* [Breath of the Black Sky: Mythological legacy of Tuvan shamanism]. Kyzyl: Tuv. knizh. izd-vo im. Yu.Sh. Kyunzegesha, 2010, 391 p. (in Russian, Tuvan).
5. Kenin-Lopsan M.B. *Mify tuvinskikh shamanov. Tyva khamnarnyn torulgalary* [Myths of Tuvan shamans]. Kyzyl: Novosti Tuvy, 2002, 538 p. (in Russian, Tuvan).
6. *Mify, legendy, predaniya tuvintsev* [Myths, legends of Tuvans] / Comp. N.A. Alekseev, D.S. Kuular, Z.B. Samdan, Zh.M. Yusha. Novosibirsk: Nauka, 2010, 373 p. (in Russian, Tuvan).
7. Pimenova K.V. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2007, no. 4, pp. 86–100 (in Russian).
8. Potapov L.P. *Altaiskii shamanism* [Altai shamanism]. Leningrad: Nauka, 1971, 322 p. (in Russian).
9. Potapov L.P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the folk life of Tuvans]. Moscow: Nauka, 1969, 402 p. (in Russian).
10. Rykin P.O. *Mifologiya smerti. Struktura, funktsiya i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri* [Mythology of Death. Structure, Function and Semantics of Funeral Rite of the Peoples of Siberia]. St. Petersburg: Nauka, 2007, pp. 51–84 (in Russian).
11. Tatarintsev B.I. *Ehtimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. III: K, L, 440 p. (in Russian).
12. Tatarintsev B.I. *Ehtimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk: Nauka. 2019, vol. V:C, 180 p. (in Russian).
13. Vainshtein S.I. *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tuvans-Todzha. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Vost.lit., 1961, 218 p. (in Russian).
14. Yusha Zh.M. *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka. Struktura. Semantika. Pragmatika* [Folklore and ritual of the Tuvans of China at the beginning of the 21st century. Structure. Semantics. Pragmatics]. Novosibirsk: Nauka, 2012, 400 p. (in Russian).
15. Yusha Zh.M. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics]. 2002, no.2, pp. 258–274 (in Russian).
16. Yusha Zh.M. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2022, no. 4, pp. 21–33 (in Russian).

Submitted for publication: April 25, 2024.

Accepted for publication: May 24, 2024.

Published: December 24, 2024.